

**ПРЕПОДАВАНИЕ СЕГОДНЯ.
НОВЫЙ КОНТЕКСТ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
ДИАЛОГ С ХУЛИАНОМ КАРРОНОМ,**

Преподавателем богословия в Католическом университете Святого Сердца в Милане
Болонский университет, Большой зал св. Луции, 11 октября 2015 г.

При поддержке ассоциаций «Il Rischio Educativo», Cdo Opere Educative, Diesse, DiSAL

В мероприятии участвовали:

A.Ge – Associazione Italiana Genitori; A.N.I.N.S.E.I. Lombardia e Emilia Romagna – Associazione Nazionale Istituti Non Statali di Educazione e Istruzione; ADi – Associazione Docenti e Dirigenti scolastici Italiani; AGeSC – Associazione Genitori Scuole Cattoliche; AIMC – Associazione Italiana Maestri Cattolici; ANP – Associazione Nazionale dirigenti e alte professionalità della scuola; A.P.E.F. – Associazione Professionale Europea Formazione; CIDI – Centro di Iniziativa Democratica degli Insegnanti; CNOS SCUOLA – Centro Nazionale Opere Salesiane; ConOpera; CSL – Consorzio Scuole Lavoro; ENAIP – Ente Nazionale ACLI Istruzione Professionale; Federazione Scuole Steiner-Waldorf in Italia; FIDAE – Federazione Istituti di Attività Educative; FISM – Federazione Italiana Scuole Materne; Forum delle Associazioni Familiari; ONM – Opera Nazionale Montessori; Portofranco; UCIIM – Unione Cattolica Italiana Insegnanti Medi.

ТИНО ДЖАРДИНА

Всем добрый день! От лица ассоциаций-организаторов, приветствую вас на этой столь долгожданной встрече. Приветствую также всех тех, кто присоединился к нам по прямой видеосвязи в более чем пятидесяти местах в Италии и за рубежом.

Приветствую и сердечно благодарю многочисленных ответственных должностных лиц, присутствующих здесь, а также тех, кто, не имея возможности приехать, направил нам письма. Особым образом приветствую находящегося среди нас профессора Луиджи Берлингера.

К этой инициативе присоединились более двадцати ассоциаций, связанных с итальянской школой. Мы благодарим их за то, что они решили поддержать и разделить с нами желание, от которого родилась идея встречи, – желание предложить итальянской системе образования ряд размышлений, полезных в рассмотрении обширной темы воспитания, школы и современного преподавания в нашей стране.

Сегодня среди нас хотел бы присутствовать директор регионального школьного управления в Эмилии-Романье, доктор Стефано Версари, однако, находясь по делам за границей, он не смог приехать и направил нам краткое сообщение: *«Я с воодушевлением принял предложение президента Diesse и моего друга профессора Тино Джардины организовать это важное событие в Болонье, городе Alma Mater Studiorum. К сожалению, с связи с рабочими обязательствами я в данный момент нахожусь за рубежом. Приветствую профессора Каррона и всех участников встречи и надеюсь, что вы сможете углубить ваше желание. Несколько дней назад один врач напомнил мне, что на школу обращены взгляды и “ожидания” всего гражданского и политического сообщества. Однако, когда преподавание берет свое начало, этот громогласный мир оказывается порой за его рамками. Остается лишь реальность человеческих отношений между преподавателем и учеником: на этом и зиждется уникальность воспитательного риска,*

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

характеризующего профессию преподавателя. И отсюда возникает также необходимое условие для того, чтобы исполнять этот нелегкий труд. Оно состоит в каждодневном обновлении “желания” преподавать. Реальность может как поддерживать это желание, так и подвергать его серьезным испытаниям. Такая же точно задача стоит и перед нами, занимающими административные должности: мы должны обеспечить, облегчить вашу каждодневную преподавательскую деятельность. Мы не верны долгу перед государством, если вместо этого только усложняем вам жизнь. Именно такое желание – хрупкое по природе, как хрупка сама человеческая природа – поддерживает профессиональный поиск и день за днем подпитывает тело, сердце и разум преподавателя. Поэтому нужны встречи, как эта: они помогают нам вновь прийти до сердцевины нашей воспитательной задачи и призывают к методу, позволяющему не стать заложниками собственной хрупкости. Первоочередной метод состоит в непрерывном обновлении профессиональных сообществ, чтобы они обретали способность поддерживать своих членов в непростой повседневной работе преподавателей. Я благодарен ассоциации Diesse и другим организаторам сегодняшней встречи за их усилия по поддержанию живым вашего желания преподавать. Желание преподавать, поддержанное профессиональными сообществами, – необходимое условие для того, чтобы избежать “печальных страстей” и сохранить надежду, без которой воспитание невозможно. Спасибо вам и хорошей работы».

Хочу выразить отдельную благодарность Болонскому университету, принимающему нас, и особенно – ректору, профессору Ивано Диониджи, который встретил нас с открытыми объятиями и симпатией и которого я приглашаю для приветствия.

ИВАНО ДИОНИДЖИ

Сердечно приветствую всех присутствующих и особенно преподавателей и сотрудников школ, работающих не в Болонье.

Мой долг приветствовать вас сегодня, и тому есть две причины: не только стечение обстоятельств (я «хозяин дома», который вас принимает), но и тот факт, что я тоже принадлежу миру образования, а значит, являюсь одним из вас.

Сегодняшняя встреча – возможность поразмышлять, и тут нам в помощь сам момент – утро воскресенья, дня, когда время дружелюбно нам и течет медленней обычного. А нам как раз нужно остановиться и подумать, нам необходимы долгие мысли, особенно в эпоху, для которой характерны мысли короткие, не больше ста сорока символов, мысли-миньон.

Поэтому я хотел бы подумать вместе с вами о ценности некоторых слов и прежде всего о слове «школа». Что значит слово «школа»? Оставляет ли труд преподавателя на человеке некий отпечаток? Что преподаватель преподает, что исповедует?

Говоря о школе, мы сегодня зачастую представляем себе либо здание, либо золушку среди всех наших министерств. Но это ли – школа? Что это такое: специфическая среда или скорее поле энергии, открытости возможному, еще предстоящему? Я сейчас обращаюсь к преподавателям и другим работникам, к управленцам из школьной среды: если школа имеет отношение к детям, к подросткам, к молодежи, они никогда не будет некой неизменной данностью, ей всегда предстоит стать чем-то. Слово «школа» происходит от греческого *scholé*, соответствующего латинскому *otium* и противоположному *polypragmosyne*, которое, в свою очередь, соответствовало латинскому *negotium* и означало «деятельная, хлопотливая жизнь», жизнь людей занятых и – могли бы добавить мы –

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

отчужденных. Слово же *scholé*, напротив, использовалось для времени, которое человек отводил на самого себя и на собственные рост и воспитание: то, что греки называли термином *paideia*, под которым они понимали полное, всеохватное образование – одним словом, *enkyklios, общее*. У нас уже есть предшественники в области теории и особенно практики междисциплинарных и горизонтальных знаний.

Школа есть и должна оставаться местом формирования критического духа. Не стоит стыдиться этого слова. Да, школа – то место, в котором формируется критическое мышление, умение сопоставлять, дискутировать – своего рода контралтарь модернизма, который нам не нравится, который нам не дружелюбен. Слово «модернизм» происходит от *modo* – «сейчас», «в настоящий момент». И я действительно считаю, что школа должна быть противовесом монокультурному измерению, упрощающим алгоритмам, единственному образу мыслей, меркантильной и утилитаристкой вселенной, которая каждодневно предлагается нашим детям, подросткам, молодежи, взрослым, всем. Английский лучше учить за рубежом, для освоения Интернета не обязательно ходить в школу, фирмы занимаются повышением квалификации своих работников. Школа не есть в первую очередь место для обучения Интернету, английскому или требованиям каких-то компаний, это место, где воспитываются – скажу словами великого Ницше – полноценные граждане, а не полезные работники, это пространство, где можно рассуждать обо всем мире, где познается культура «и-и», а не «или-или», где прививается способность к диалогу. Для нас «диалог» – истасканное слово, но стоит вспомнить, что оно происходит от греческого *diálogos: logos*, слово, или мнение, проходящее (*dia-*) через всех. В какой среде, если не в школьной, возможно сегодня нечто подобное? Где есть диалог, там нет конфликтов; конфликты относятся к области невежества – не культуры, а культура возникает только в результате диалога различных культур. «Преподавание» – вы вынесли этот термин в название вашей встречи. Так давайте же вновь утвердим первостепенную роль преподавателя. У меня был тяжелейший опыт в отношении с родителями учеников: они нападали на преподавателей словесно и морально, отказывали им в праве на преподавание, пытались учить их профессии и, что бы ни случилось, защищали своих детей. Нет, это преподаватель стоит в центре. Каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад преподаватели, наряду с медиками, считались в нашей стране наиболее значительными и признанными фигурами – как с точки зрения общественного мнения, так и в финансовом смысле. Те времена прошли. Мы забыли, что преподаватель – это учитель. Слово «учитель» – уж простите мне мою лингвистическую и филологическую дотошность – происходит от *magister*, означающего «тот, кто знает и ценится больше»; оно противоположно слову «министр» – «тот, кто знает и ценится меньше». Эти термины римской религиозной лексики: *magister* – глава, первосвященник, тогда как *minister* – персонаж второго плана, помощник, служитель. И я спрашиваю вас: кого в нашей стране сегодня уважают больше, учителей или министров? Ответ слишком очевиден: мы подменили уважение к учителям культом министров.

Наконец, слово «профессор», происходящее от *profiteor* (клясться в вере, исповедовать веру). В чем клянутся, что исповедуют профессора? Прежде всего, они исповедуют увлеченность, строгость и, самое главное, *обязанности*. Кто по-прежнему помнит об обязанностях в государстве, которое на протяжении тридцати лет настаивает исключительно на «правах»? Как выясняется, слово «обязанности» до сих пор не вычеркнули из словаря итальянского языка, и мы должны быть за это благодарны преподавателям, напоминающим нам, что обязанности все-таки существуют.

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

Люди этой благородной и неблагодарной профессии призваны также напоминать нам и других двух ценностях: слове и истории. Все мы сегодня одержимы экологией окружающей среды, и слава богу, что мы чувствительны к таким вопросам. Однако существует иная экология, предшествующая этой и крайне нам необходимая. Я говорю о лингвистической экологии. Не знаю, как вам, а мне часто кажется, будто я живу в Вавилоне: одним и тем же словом мы обозначаем совершенно разные вещи или же можем использовать разные слова, чтобы выразить одно и то же. Стройная речь, по утверждению Платона, не только красива сама по себе, она еще и полезна для души. Нам впору жаловаться, подобно Катону у Саллюстия: «*Vera vocabula rerum amissimus*» – «Мы действительно уже давно не называем вещи своими именами». И поэтому кому-то придется преподавать нам истинный смысл священных слов, а заодно и научить нас говорить. Не будем забывать: хорошо говорит тот, кто хорошо мыслит. И это, на мой взгляд, задача школы. Мы должны с уважением и вниманием относиться к словам, равно как и к людям: нельзя сворачивать им шею; перед словами нужно «склоняться в уважении и благоговении» (Элиас Канетти). Вот простой пример: слова «Восток» и «Запад». Что они означают? Вы, должно быть помните: с самого начала существовали *sol oritur – восходящее солнце – et sol occidit – солнце заходящее*. Восток есть вещь, личность, реальность, страна, континент в своем рассвете; Запад же – вещь, личность, реальность, страна, континент на закате. Так что лучше нам оставить в стороне наши высокомерие и псевдопревосходство. Мы сегодня рискуем столкнуться со всей критичностью слова «Запад» и нашего положения как западных людей, если только не поймем, насколько необходимым и естественным является союз с Востоком, если не научимся отличать крик тех, кто рождается на Востоке, от жалоб тех, кто в конечном итоге оказывается на Западе.

Наконец, коснемся истории. Мир изменился: уже давно в нем господствуют географическое и демографическое измерения, но мы забываем о третьем – об истории, которая всегда вела нас и характеризовала европейского человека. В наших детях особенно ощущается дефицит исторического познания. Мы все вглядываемся в мерцающий экран сети, паутины, Интернета, который навязывает нам диктатуру настоящего. Поэтому молодежь верит, что мир – вопрос, касающийся *hic et nunc*, здесь и сейчас. Однако познание подобно картине: у него есть первый план, второй, есть фон. Необходимо освоить не только сиюминутность синхронии, но и *континуум* диахронии. Память и история – крепкие оборонительные орудия, они играют фундаментальную роль в любом состязании. Говоря об истории, я имею в виду ее понимание в двух измерениях: в *видении* (согласно греческому слову *historia*) и *действии* (согласно чисто латинскому выражению *res gestae*). Разве различные фазы жизни, от младенчества до старости, не представляют собой наиболее очевидное экзистенциальное выражение того факта, что мы сами, по сути, и есть история?

ТИНО ДЖАРДИНА

Сердечно благодарю Хулиана Каррона, преподавателя богословия в Католическом университете Святого Сердца в Милане, за то, что он согласился встретиться с нами и пожертвовать для этого сегодняшним утром.

Я давно слежу за его выступлениями и заметил непреходящий интерес к теме воспитания, которая прекрасно развита в том числе и в недавно опубликованной издательством «Риццоли» книге «Безоружная красота». Именно это и побудило нас предложить вам сегодняшний разговор. Чтобы наша встреча стала настоящим диалогом с реалиями школы, мы выбрали определенный способ подготовки к ней, в которую на

протяжении многих месяцев были вовлечены десятки преподавателей, директоров и административных работников из государственных и частных школ, детских садов, лицеев, центров профессионального образования. Все они так или иначе откликнулись на наше предложение поразмышлять над тем, что значит преподавать и жить школой сегодня, какие неотложные вызовы встают перед ними в работе. Вопросы, которые мы зададим вам сегодня, отражают наиболее часто поднимавшиеся темы.

Первый вопрос родился от свидетельства одного преподавателя: «Я вернулся в школу после одиннадцатилетнего перерыва и обнаружил, что ребята переживают ранее невиданные трудности, вплоть до патологий. Я встречался с психологами, нейропсихиатрами, психотерапевтами. Учащиеся страдают, поскольку, вероятно, произошли определенные нарушения и, я сказал бы, были утрачены некоторые очевидности, которые характеризовали опыт сыновства».

В нынешний исторический период, когда все кажется зыбким, временным, каким вам представляется положение молодежи? И что вы можете сказать о той растерянности, которую перед лицом этой ситуации испытывают взрослые люди?

ХУЛИАН КАРРОН

Всем добрый день! Начнем с рассмотрения ситуации, в которой находится молодежь, потому что, на мой взгляд, первым делом необходимо четко обрисовать проблему. По дороге в Болонью я читал, что это вопрос возник и на Синоде, посвященном семье. В одной из рабочих групп отметили, что часто «мы пытаемся разрешить проблемы, не зная, откуда они происходят» (*L'Osservatore Romano*, 10 ottobre 2015). Верно также, что в любой попытке предложить ответ, каким бы он ни был, уже можно распознать исток. Мы видим это, к примеру, когда перед лицом трудностей, которые переживает молодежь и о которых так много говорят, задействуется армия психологов, нейропсихиатров и других специалистов. Или когда мы начинаем ужесточать и умножать правила, чтобы как-то подавить проблемы и таким образом хоть чего-то добиться на уроке. Так или иначе эти действия указывают на то, что была выявлена причина затруднений – психологическая или этическая. Однако очевидно: для разрешения проблемы недостаточно множить правила или предоставлять психологическую помощь, и поэтому мы начинаем понимать, что исток имеет не только этическую или психологическую природу. Часто мы, воспитатели, путаем симптом с его причиной, начало со следствием.

Я лично не нахожу более подходящего объяснения причин сложившейся ситуации, чем то, что дал много лет назад отец Джуссани. Тогда его утверждение казалось странным, выбивавшимся из стройного хора привычных толкований, однако сегодня его слова прозрачны для всех. Он утверждал, что истоки трудностей, с которыми сталкивается молодежь, заключаются в слабости энергии, в аффективной слабости. Именно поэтому ребятам так тяжело привязаться к реальности, находящейся перед ними, – сначала признать ее, а затем прирасти к ней. Отец Джуссани говорил об эффекте Чернобыля: радиация производит в организме человека изменения, невидимые глазу, но в тоже время более не позволяющие человеку быть самим собой. Он также добавлял, что услышанное не усваивается слушателями по-настоящему (ср. L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro. 1986–1987*. Milano: Bur, 2010. P. 181). Отсюда рождаются еще большие затруднения. Если молодой человек часами напролет сидит в аудитории, переполненный проблемами и неспособный что-либо воспринять, то, что ему преподается, вряд ли пустит в нем корни. Поэтому, говорил отец Джуссани, то, что мы преподаем, редко превращается для молодежи в уверенность.

Причина, добавлял он, кроется в том, что нет больше никакой реальной очевидности, кроме моды.

Что значит, что нет больше никакой очевидности, или, как говорилось в вопросе, что «утрачены некоторые очевидности, которые характеризовали опыт сыновства»? Не то чтобы реальность не находилась перед нами, как прежде. Очевидности, «неизбежное присутствие», стоят и перед нами, и перед ребятами. Однако произошло то, что мы, воспользовавшись выражением Бенедикта XVI, определили как «крах древних уверенностей», разрушение очевидностей, вызванное тем, что и в нас, и в наших детях, сошла на нет способность признавать реальность, видеть ее, улавливать ее глубинный смысл. Вопрос в том, чтобы заметить, что находится перед нами, но сейчас это уже не так просто, как раньше. В нас омертвела способность признавать реальность. И поэтому речь не об этической слабости, как мы часто полагаем, а о слабости энергии познания.

На мой взгляд, это крайне важно для понимания вызова, стоящего перед нами. Все бы ничего, если бы дело касалось исключительно этической слабости, поскольку в таком случае оставалась бы вся энергия, доступная человеку, и нужно было бы только направить ее, дать ей правильный импульс. Однако наша проблема – в отсутствии способности улавливать очевидности и в следствие признания того, что есть, мобилизовать все наше «я». В итоге мы оказались в некотором смысле в совершенно новой экзистенциальной ситуации, затрагивающей каждый аспект жизни, начиная с семьи, и заканчивая всем остальным. Мы, взрослые люди, на опыте проверяем, насколько новый вызов брошен нам, ведь в общении с ребятами нам становится ясно, что отношение с ними перестало быть прямым и непосредственным и наши действия не приводят к ожидаемому результату. Вот почему мне так нравится цитировать одну фразу Ханны Арендт: «Кризис вынуждает нас вернуться к вопросам; требует от нас ответов, новых или старых, лишь бы они происходили из непосредственного анализа; он превращается в катастрофу, только если мы стараемся противостоять ему при помощи предвзятых суждений [любого вида] либо предрассудков, усугубляя его и, более того, отказываясь жить опытом реальности и использовать возможность поразмыслить, предоставляемые самим кризисом» (H. Arendt. *Tra passato e futuro*. Milano: Garzanti, 1991. P. 229).

Кризис, который мы переживаем в настоящий момент, является бесценной возможностью понять, какова природа человека, а значит и задаться вопросом о том, как ухватить его бытие, чтобы предложить ему ответ, разрешающий нынешние его трудности. Сложившаяся ситуация заставляет нас чувствовать себя еще более неподготовленными, ведь мы, взрослые, – дети своего времени, мы живем во времена, когда вся культура, от психологии до социологии и марксизма, словно опустошила «я» каждого из нас, освободив его от какой бы то ни было ответственности. Мы все пытаемся найти объяснение наших трудностей событиями прошлого, влиянием среды, сваливая вину за собственные проблемы на самые разнообразные факторы. Это хорошо описано в книге Антонио Полито, где он подробно рассмотрел данный вопрос (A. Polito, *Contro i papà. Come noi italiani abbiamo rovinato i nostri figli*, Rizzoli, Milano 2012).

Мне кажется, отец Джуссани оказал нам неоценимую помощь (по крайней мере, я всегда воспринимал это именно так), когда указал на истоки стоящего перед нами вызова: мы, взрослые, свели «я» к предшествующим ему факторам психологического, социологического, культурного характера. Представьте, какие проблемы возникают, если мы смотрим таким ограниченным взглядом на «я» подростка, молодого человека! Мы уже не обращаемся к «я», его просто больше нет. Нет такого «я», которое бы не сводилось

исключительно к предшествующим ему факторам. Когда такой менталитет укрепляется в нас, взрослых, он блокирует наше мышление и не позволяет нам предстоять по-человечески перед другими людьми, с которыми мы должны входить в диалог. И это не может не иметь ужасных последствий, поскольку мы словно отказываемся от нашей воспитательной задачи. Если «я» подростка умалено и я больше не могу войти с ним в диалог, в чем тогда моя задача? Именно поэтому мы передаем ответственность в руки психологов, психиатров, психотерапевтов, которые, конечно, должны будут выполнить свою работу, но, когда воспитание сводится исключительно к этому, нам преподавателям, остается разойтись по домам, не можем же мы ждать, пока специалисты разберутся с проблемами, чтобы затем решить, что же делать.

К сожалению, такое нередко происходит с попустительства родителей. Сами пребывая в растерянности, они не понимают, в какой ситуации находятся их дети, и потому понятия не имеют, как себя вести. Мой друг, преподаватель философии, рассказал мне об одной матери, которая обратилась к нему, говоря: «Послушайте, у моего сына уже и так полно проблем. Прошу вас, не надо пробуждать в нем еще больше вопросов». Представьте, как должна смотреть та женщина на своего ребенка и что значат ее слова для преподавателя! Ребята оказываются в затруднительных ситуациях, а взрослые не в состоянии понять природу их проблем. Так мы все способствуем еще большему их ослаблению. Признать без лишней критики эту ситуацию – значит уже вынести суждение о человеке, диагностировать затруднения. Однако, если все мы смотрим на ребят вышеописанным образом, нетрудно вообразить, к чему это приводит. Каждый из нас вольно или невольно подстегивает еще большее ослабление молодежи.

Брошенный нам вызов находится на уровне глубины человеческого «я», не больше не меньше, и касается возможности пробудить «я», чтобы оно могло действительно интересоваться чем-либо, что поможет ему преодолеть жизненные трудности, собственное умаление, почти неизбежное из-за того, как на человека смотрят окружающие. Настоящий вызов состоит в том, чтобы «я» могло вновь присутствовать в реальности со всеми своими потребностями. Вот ценность взгляда, который учитывает подлинную природу человека, а стало быть и образующие его изначальные очевидности и потребности. Человеческому «я» необходима сообразная провокация, чтобы оно вновь стало самим собой. Отец Джуссани говорил: «Наше исходное сознание действует исключительно в рамках вызова, то есть в рамках того способа, каким ему брошен вызов» (*Dall'utopia alla presenza. 1975-1978*, BUR, Milano 2006, p. 193). То, что мы называем провокацией, есть форма действия.

В чем заключается эта провокация? Что может пробудить в «я» образующие его потребности? Настоящий вызов нашему «я» бросает только реальность, «я» молодого человека может быть спровоцировано реальностью, сообщаемой ему через взрослых, через преподавателей. И поэтому вопрос в том, бросаем ли мы ребятам сообразный вызов, потому что в противном случае мы рано или поздно опустим руки, так и не оказав им помощи и только жалуясь на ситуацию. Только подумайте, уже в 1960 году отец Джуссани видел в этом серьезнейший изъян современного воспитания: «Молодым людям недостаточно помогают получить опыт соответствия между реальностью и его сознанием» (*Porta la speranza. Primi scritti*. Genova: Marietti, 1997. P. 17), между реальностью и самим собой, опыт потребностей и очевидностей, наполняющих их. Молодым людям недостаточно помогают приобрести опыт истины, который осуществляется во встрече между изначальными потребностями, присущими человеку, какими бы ни были его обстоятельства, и тем, что ему соответствует. Мы все знаем, что потребности эти никуда не деваются:

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

достаточно повести себя по отношению к молодому человеку несправедливо, и вы увидите, есть ли у него ясные изначальные потребности, как, например, потребность в справедливости. Это верно и в отношениях с нашими детьми. Они замечают, когда вы пытаетесь мошенничать. Нет смысла сводить их к предшествующим факторам, их потребности всегда на своем месте.

Несмотря на влияние среды, власти, несмотря на попытки умалить «я», есть в нем что-то, способное оказать сопротивление, как бы рассеяно и подавлено оно ни было. Это что-то есть! Такова природа «я», таков его элементарный опыт, который никто не может вычеркнуть с концами. Поэтому, когда мы входим в школу, первым делом нужно думать о том, что наши ребята «сделаны» из изначальных потребностей и очевидностей. Точно так же следует смотреть и на наших собственных детей. Всем нашим попыткам и усилиям должно предшествовать суждение, нас должен характеризовать определенный взгляд на человеческое «я». Сначала приятие, а уж потом все наши старания, порой столь неуклюжие. Необходимо занять по отношению к молодежи культурную позицию. Если мы поддадимся умаленному взгляду на личность, нам конец, мы уже не сможем бросить ребятам вызов. Они оказываются в затруднительных ситуациях или когда-то в прошлом оступились не потому, что они «неправильные». Именно в силу определенных событий единственная надежда для них – взгляд, проникающий в самую их суть, не сводящий их предшествующим факторам. Только такой взгляд дарует надежду и позволяет начать все заново.

Вот почему страшно не то, что происходят те или иные события или что ребята живут в тех или иных обстоятельствах. Куда страшнее, что мы поддались ложному менталитету. А «я» есть, несмотря ни на какие обстоятельства, несмотря ни на какое влияние психологических, биологических или социологических аспектов. И если мы не исходим из такой культурной позиции, в которой преподаватель должен быть уверен, наши шансы как-то подействовать на ребят стремятся к нулю.

Можно было бы уже здесь поставить точку, поскольку осознание необходимости такого неумаленного взгляда на молодых людей кажется мне крайне важным, и от него зависит все остальное.

ТИНО ДЖАРДИНА

Другая преподавательница, живущая на Сицилии, написала нам в связи ситуацией, наблюдающейся в итальянской школе в последние месяцы: «Недавние массовые протесты в школьной сфере обозначили проблему, решение которой виделось в том, чтобы «после долгого перерыва» вновь объединиться перед лицом изменений, рассматриваемых как нечто враждебное. Сейчас, после того как мы вышли на площадь, проблема стоит как никогда остро, а вместе с ней в наших школах выявились одиночество и индивидуализм, определенная оборонительная корпоративность, культура жалоб, склонность к реактивности, вытеснившей рефлексию и диалог. Но [утверждает эта женщина] никто или почти никто не затронул тему, связанную с задачами школы, ее природой и ее целью».

Какова, на ваш взгляд, подлинная задача школы, ее природа, ее цель? И как мы можем помочь друг другу к этой цели вернуться?

ХУЛИАН КАРРОН

Дело не только в ребятах, прежде всего проблема касается нас, взрослых, и того факта, что мы запутались, как напомнила нам преподавательница с Сицилии. Вот почему интересно

вспомнить, какова же задача школы, и мы не можем при этом не отталкиваться от нынешнего плачевного положения дел, поскольку, не имея в виду оба фактора, мы в конце концов скажем: «Хорошо, перед школой стоит такая-то задача, однако в реальности существуют кое-какие моменты, не позволяющие нам достичь цели, ради которой школа существует». На этом все и закончится. Задача школы – преподавание (по-моему, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять), то есть передача новым поколениям богатства, накопленного народом, чтобы каждый новый его представитель не должен был проделывать весь путь с самого начала. Если бы оно заключалось в чем-то ином, мы бы до сих пор жили в пещерах.

Все мы желаем вручить нашим детям собранные нами сокровища опыта, то, что мы зовем «традицией». В самом деле, традиция есть богатство прошлого. Вопрос в том, как мы можем это богатство передать, чтобы оно перешло от того, кто им обладает, к тому, кто должен его получить. Такая передача всегда происходит в рамках диалога. Меня поражает одно наблюдение отца Джуссани, знакомое многим из вас. На мой взгляд, оно крайне важно с точки зрения метода: «Я здесь не ради того, чтобы вы усвоили идеи, которые я вам предлагаю, – сказал он на первой лекции в лицее, – но чтобы научить верному методу суждения о том, что я говорю» (Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 130). Какой преподаватель в первый свой день в школе дает ученикам метод, чтобы выносить суждение обо всем, даже о том, что он сам им скажет? Для этого нужно верить в истинность того, что собираешься предложить, и доверять способности молодого человека признать истинность твоего предложения!

Это значит, что отец Джуссани осознавал: воспитание не происходит без постоянного сотрудничества воспитанника, – и потому он с первого мгновения вовлекал молодых людей в процесс, чтобы они не просто повторяли то, что им преподавали, но прежде всего могли проверить это, вынести об этом суждение. Он давал ученикам критерий суждения. Такой подход вынуждает обоих, и ученика, и учителя, быть честными: если ты предлагаешь критерий суждения ученику, то уже не можешь мошенничать, равно как и он. Преподаватель предлагает инструменты для ведения диалога, чтобы учащийся мог постоянно вовлекаться в действие, движимый желанием проверить, насколько истинно то, что ему преподается в качестве рабочей гипотезы. Действительно, то, что мы получили от прошлого, что уже стало в нас уверенностью, мы предлагаем ученику как «рабочую гипотезу» (мне очень нравится это выражение отца Джуссани), чтобы он мог войти с ней в реальность и, следовательно, не занимался только повторением, а мог бы лично проверить истинность наших слов, признать и принять ее.

«Чтобы обладать наследием, доставшимся тебе от отцов, вновь заслужи его», – говорил Гете. (ср. И. В. Гете. *Фауст*. // Б. Пастернак. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 392). Для этого молодой человек, перенимая традицию, должен постоянно быть в действии: только так, проверенная на опыте, она сможет стать в нем уверенностью. Вот почему уже самое первое мгновение воспитательного акта неотрывно от понятия другого. Только так молодежь может расти с сознанием того, что в ее распоряжении есть метод, позволяющий идти навстречу уверенности. Не могу не признать: когда я встретил отца Джуссани, обладавшего уникальной способностью к воспитанию, одним из главных потрясений был тот факт, что он вооружил меня критерием суждения, который позволял проверить на опыте истинность чего угодно. Так я мог открывать истину в рамках моего опыта, вместо того чтобы формально повторять те или иные установки. До знакомства с отцом Джуссани я уже многому научился, но это совсем

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

не то – просто повторять слова, не прожив их, не открыв в опыте их ясности, их очевидности; по-настоящему вещи познаются лишь в опыте.

Я часто повторяю фразу отца Джуссани: «Реальность становится очевидной в опыте». Есть и другая: «Опыт – это феномен, в котором реальность становится прозрачной и познаваемой» (*In cammino. 1992–1998. Milano: Bur, 2014. P. 311, 250*). Реальность становится для человека прозрачной в рамках опыта, и поэтому, чтобы дать нам понять что-либо, Тайна сталкивает нас с этим в опыте: она не читает нам лекций о любви, а позволяет нам влюбиться, родиться в семье; чтобы мы поняли, что такое свобода – еще одно из величайших слов в жизни человека, она позволяет нам пережить опыт освобождения; чтобы мы поняли, что такое справедливость, она допускает в нашей жизни нечто несправедливое. Все происходит в опыте. И потому, если мы постоянно не способствуем такой проверке, осознавая, что при этом рискуем столкнуться со свободой другого человека, вряд ли мы сможем сообщить ребятам что-то, что по-настоящему затронет их жизнь.

Традиция, полученная нами, передается не через отвлеченное разглагольствование, а посредством тех предметов, которые мы преподаем на наших уроках. В противном случае ребята просто не в состоянии будут уловить связи между вещами и, следовательно, ничего толком не поймут, учеба для них станет лишь накоплением некоторых сведений, которые они не в состоянии удержать вместе. Вот почему часто ученики повторяют что-то (к тому же сейчас они пользуются Интернетом и выдергивают факты то тут, то там, копируют и вставляют – на этом все и заканчивается), тогда как основополагающая деятельность «я» заключается в том, чтобы улавливать связи между вещами. Что стало с этой способностью? Какую молодежь мы воспитываем? И какой субъект порождается воспитанием, которое учитывает указанный метод? При рассмотрении любого аспекта реальности необходимо воспринимать его в связи со всем остальным.

Я понял это еще отчетливее на прошлой неделе, когда представлял энциклику *Laudato si'* в Неаполе. В ней затрагивается проблема отношения с природой, экологией. Мы все до сих пор еще чувствительно реагируем на эту тему, испытываем к ней спонтанную симпатию; возможно, другие очевидности пошли прахом, но эта еще как-то держится. Отправляясь в горы, мы хотим, чтобы там было чисто и чтобы наши ребята могли пережить опыт красоты, чтобы красота природы их действительно поразила. Однако, углубляясь в вопрос, мы спрашиваем себя, почему сегодня экология нас волнует? Ответ прост: что-то пошло не так, как должно было. Тут можно вспомнить замечательный с этой точки зрения пример, который привел Бенедикт XVI, выступая в Бундестаге: понадобился только один пример, чтобы повергнуть противоположную идеологию, хватило всего лишь опыта некоторых молодых людей, которые в шестидесятые годы ощутили (понимаете, что значит элементарный, исходный опыт?): как-то неправильно человек относится к природе. Сейчас это каждому ясно, каждого это беспокоит, и отсюда родилось желание затронуть вопрос экологии. Однако папа объясняет, что, чтобы должным образом пользоваться реальностью, чтобы войти с ней в должное отношение, необходима новая человечность, поскольку именно человек плохо использовал природу, относился к ней неправильно. Поэтому, если человеческий подход не меняется, любые жалобы напрасны, так как мы и дальше будем плохо относиться к окружающей среде. Если человек не принимает во внимание всеохватность собственной драмы, если ему не удастся заполнить собственную внутреннюю пустоту, он продолжит множить попытки завладеть всем и пользоваться всем неправильно, и экология никогда не изменится.

Невозможно воспитывать, если не исходить из какого-то определенного вопроса, однако при этом нужно непременно учитывать полноту реальности и целостное восприятие человека, а также сознание о том, *что* способно ответить на его внутреннюю пустоту и избавить его от необходимости подчинять себе реальность ошибочным образом. Если мы знакомим ученика с каким-либо предметом и при этом не имеем в виду все связи, нам не удастся заинтересовать его, и в результате мы столкнемся в классе с затруднениями. Но трудности есть и у нас самих, как мы недавно отметили, у нас тоже есть проблемы, на которые указывает вопрос преподавателя. Почему? Потому что мы люди, и, подобно тому, как наших учеников порой определяют факты их жизни, так и нас может поставить в непростое положение какая-то жизненная ситуация. И тогда в нас преобладают индивидуализм, одиночество, жалобы. Именно поэтому часто, определив на словах задачи, стоящие перед школой, мы тут же оговариваем: «Да, все так, но в моей ситуации их нельзя реализовать, поскольку...» Мы первые перед лицом ребят проходим такой тест.

Итак, мы должны понять, можем ли каким-то образом встречать лицом к лицу проблемы, пересекающиеся с преподаванием, и при этом свидетельствовать ребятам о том, как поступать в затруднительных ситуациях, предлагая им тем самым некоторое гипотетическое решение и их сложностей. В общем, вопрос в том, как мы воспринимаем подобные ситуации: как помеху или как возможность проверить наше истолкование реальности жизни и понять, есть ли для нас смысл жить в таких обстоятельствах. Если его нет, ребята это обязательно заметят. Каким образом? Они увидят, что, когда мы входим в класс, над нами довлеют какие-то обстоятельства, и наши трудности непременно передадутся и им вместе с неспособностью на эти трудности смотреть.

Вопрос в том, открывает ли перед нами нынешняя ситуация возможность проделать путь взрослых людей, ведь именно в этом заключается наиболее привлекательная сторона нашей воспитательной задачи: мы не избавлены ни от каких вызовов жизни, и то, что мы должны жить на виду у наших ребят, – прекрасный шанс не мошенничать ни с ними, ни с самими собой. Почему? Потому что ученики, как и наши дети (тут нет никакой разницы), отлично понимают, отвечаем ли мы на вызовы, есть ли у нас на них ответы или же мы уже потерпели поражение, поскольку думаем, будто с жизнью и школой все в порядке, когда не на что жаловаться. Это не значит, что не нужно всеми силами пытаться разрешить проблемы, однако порой мы мечтаем о системах настолько совершенных, что нам уже не надо будет быть добрыми. И к чему это приводит? Мы замираем на месте или же плачемся на жизнь.

Лишь те люди, у которых есть ответ, соответствующий актуальной ситуации, смогут по-настоящему участвовать в реальном обновлении школы. Только если у нас есть действенный опыт, наши коллеги и студенты увидят в нас свидетелей другого образа жизни и преподавания в рамках ситуации, единой для всех. Вот вызов, стоящий перед нами. Школа не изменится исключительно за счет директив из министерства (которые всегда будут полезны), однако для меня они не играют решающей роли. Вопрос в том, являются ли обстоятельства жизни основоположными на нашем человеческом пути – на нашем пути не только как преподавателей, но и как мужчин и женщин, занимающихся преподаванием. Перед каждым из нас стоит такой вызов. Как я могу войти в класс наутро после дня, полного проблем? Для этого я должен жить опытом, у меня должно быть место, где я жил бы так, что мои проблемы не определяли бы меня. Тогда я смогу входить в класс с лицом, на котором читается предположительный ответ. И это не зависит ни от кого, кроме нас, мы не можем взваливать на других собственную ответственность, поскольку в любой ситуации всегда

находится «я», способное переживать обстоятельства иным, отличным от всех остальных образом. Именно от этого зависит величие и достоинство личности. Всем нам хотелось бы иметь товарищей, коллег, студентов, которые помогали бы нам жить так. И поэтому, когда мы встречаем подобных людей на нашем пути, в нас не может не рождаться благодарность, и точно так же будут благодарны и ребята, встречая их в классе.

Я хотел бы процитировать слова отца Джуссани, которые, на мой взгляд, обобщенно выражают все вышесказанное: «Преподаватель не актер, не канатоходец, не инструмент, пусть даже живой, в действии: он личность. Источник воспитания, источник сообщения жизни, сообщения того, что помогает развивать жизнь, находится в моей жизни, а не в моей профессии преподавателя. <...> Я воспитываю, если сообщаю самого себя» (*Realtà e giovinezza. La sfida*. Torino: SEI, 1995. P. 174–175).

ТИНО ДЖАРДИНА

Как вы, будучи воспитателем, преподавателем, переживаете отношение между дисциплиной и реальностью, между воспитанием и преподаванием. Как вы переживаете этот аспект преподавания именно с точки зрения жизни?

ХУЛИАН КАРРОН

Приведу личный пример, касающийся переплетения опыта и преподавания. На протяжении многих лет я читал курс «Введение в Священное Писание». На первой лекции, пытаюсь объяснить ребятам, как начинать изучение предмета, я задавал им вопрос: «Каким образом, по-вашему, необходимо подступаться к литературному тексту, каким является и Библия?» – поскольку в глубине души, каждый, даже если он особенно не размышлял, имеет некое представление о том, как следует начинать изучение чего угодно. Поэтому в первый день я давал всем ученикам слово и записывал на доске все их ответы, например: нужно знать дату сочинения книги, литературный жанр текста, стихотворный размер (если это поэма или псалом), обстоятельства написания, язык. После составления списка я говорил: «Проведем простую проверку. Представьте, что я предлагаю вам прочитать любовное стихотворение и обеспечиваю вас всеми данными, которые вы посчитали необходимыми для понимания текста: стихотворный размер, дату сочинения, обстоятельств написания, словарь (если вам вдруг встретятся незнакомые слова) – в общем, все возможные сведения. На ваш взгляд их совокупность позволяет человеку уловить в полноте смысл произведения?» Уж не знаю, по какой загадочной причине, но всякий раз ребята отвечали нет. «Почему же нет? По-вашему, почему нет? Почему нет, если я сообщил вам все детали, которые вы считаете необходимыми для понимания текста?» (Если отвлечься от примера, то, что я говорю, верно для греческого или латинского текста, или для поэзии Леопарди). Ребята догадывались, что составленный ими длинный список не был достаточным. Тогда я продолжал лекцию новым вопросом: «Так что же тогда такое – стихотворение?» – тем самым помогая им осознать, почему их ответы не были удовлетворительными. «Стихотворение – это литературное выражение человеческого опыта, например, опыта любви. Человек пережил определенный опыт и хочет сообщить его другим; если он наделен литературным гением, то выразит его в поэтической форме. Значит, чтобы понять стихотворение, необходимо узнать, какой человеческий опыт за ним стоит, нужно войти в гармонию с человеческим опытом, скрывающимся за литературным произведением». Я приводил и такой пример: «Представьте, что вы переживаете трудный момент, вы растеряны и не знаете, в каком направлении двигаться, вы сбиты с толку. И вот вдруг, после множества предпринятых

попыток, вы приходите к выводу, что неплохо бы поискать помощи. Оказавшись в подобной ситуации, человек не выкладывает все свои проблемы первому встречному, а ищет того, кому может довериться, кто в состоянии понять, о чем речь, кто действительно может пролить свет на ситуацию и предложить способ выхода из нее». Я также добавлял: «Когда ты определился с кандидатурой и начинаешь говорить с этим человеком, ты в какой-то момент останавливаешься и спрашиваешь себя: “Понимает ли он меня?” – “Конечно”, – ответит тебе собеседник, и все же тебе ясно, что он не понимает, ты не чувствуешь себя понятым, его реакции говорят тебе, что он не понимает». Следовательно, между мной и латинским текстом X века, между мной и стихотворением нет непреодолимого расстояния, а есть диалог между двумя личностями, как в моем примере.

Проблема не на словарном уровне и не в отдаленности текста, а в созвучности с человеческим опытом, сквозящем в нем. И тогда я спрашивал: «Почему, как ты думаешь, твой собеседник не понимает тебя. Ты сам его выбрал, ты ему доверяешь, он молодец – тебе это известно по ряду причин. Чего же не хватает? Чего ему недостает, чтобы понять тебя? Почему он не понимает? Потому, что недостаточно, как мы часто полагаем, благих намерений слушателя, требуется также жизненный опыт, позволяющий другому понять твой опыт. Если такого опыта изначально не хватает, он никогда не поймет тебя. Точно так же и с текстом: мало вооружиться всеми возможными техническими инструментами, нужно уловить человеческий опыт, стоящий за произведением, за некой литературной формой. А кто способен понять опыт другого человека? Лишь тот, кто всерьез принял собственную человечность, кто жил, кто близко познал человечность. Вот почему первым делом следует не учить древнееврейский, а жить. Первое условия для понимания стихотворения – переживание человеческого опыта, потому что только он позволяет проникнуть в содержание, не урезав его. Без сомнения, любой человек что-нибудь да уловит в любовном стихотворении, однако, если мы никогда не влюблялись, то воспримем его исключительно в соответствии с нашей мерой и неизбежно умалим стоящий за ним опыт. Почему? Потому что стихотворение не передает тот трепет, который охватывает нас, когда мы влюбляемся. Он либо есть, и тогда мне достаточно любого знака, чтобы заметить его в себе, поскольку я уже переживал его, поскольку уже ощутил, что значит опыт любви, либо я не в состоянии понять его».

Таким образом я помогал моим студентам осознать, что для понимания нужна жизнь, что нельзя оторвать феномен понимания от человеческого опыта, без которого даже самые глубокие литературные произведения не открываются мне в их богатстве, в их насыщенности. То же самое случается и в повседневной жизни: глубокий опыт ускользает от нас, поскольку зачастую мы живем поверхностно, довольствуемся видимостью, и в результате ничего не остается, отношения превращаются в пустыню, и в нас ничто не дрогнет перед опытом другого человека.

Вот почему я говорил моим студентам: «Если так происходит с общедоступным человеческим опытом вроде любви, представьте, какой нужен опыт, чтобы понять тех, кто утверждает, что пережил опыт отношения с Тайной, присутствующей в истории, а в Библии содержится именно такое свидетельство». Чтобы погрузиться в этот текст, чтобы понять его, не умалив, нужна полнота опыта, необходимо, чтобы «я» пребывало в том месте, где в настоящий момент ему доступен тот же самый опыт, какой пережили главные герои Библии. В противном случае невозможно понять. Говорить все это в рамках университетского курса – значит не вести ответственные беседы, никак не связанные с предметом, а помогать студентам понять текст во всей его многозначности, осознать, что

недостаточно инструментов, какими мы можем их обеспечить, поскольку понимание, познание превосходит любую совокупность формальных характеристик. Поэтому преподавание, сведенное к формальной стороне, к усвоению определенных сведений, не является преподаванием, так как не позволяет познавать до конца, не ведет к всеохватному, настоящему познанию того, что мы сообщаем. В любом типе познания всегда в полной мере – в полной мере! – присутствует познающее «я» и познаваемый объект. Не подходя к познанию должным образом, человек, как бы то ни было обладающий некоторыми познаниями, решает, что познал объект, однако же в действительности он сводит его содержание к тому, что, на его взгляд, ему знакомо. Самая суть объекта, самое интересное в нем ускользает от него. А если от вас в процессе преподавания ускользает самое интересное, так почему ребята должны вдруг заинтересоваться вашим предметом? Я говорю сейчас не о каком-то факультативном добавлении, не о довеске к предмету, который вы преподаете, а о том, что играет решающую роль в вопросе привлечения учащихся, о том, что способно пробудить их внимание, любопытство, всю их познавательную способность. Именно преподаватель должен стимулировать в них это.

Как говорил отец Джуссани, передача содержания отождествляется с переживаемым опытом. Поэтому первое условие состоит в том, чтобы в том, кто хочет передать некое содержание, уже произошел своего рода его синтез. Это и есть понятие генерации: человек порождает что-либо, если в нем самом уже произошел синтез. Затем встает проблема внимания по отношению к способу передачи содержания. Однако, повторяю, прежде всего важно, чтобы в нас произошло что-то, и тогда худо-бедно мы сможем сообщить об этом, передать это другим. Невозможно избежать такого «зачатия» в нас, ведь, в конце концов, мы передаем невыразимый и всеохватный трепет, который текст – каким бы он ни был – вызвал в нас.

Такой процесс познания непрерывно задействует «я» во всей его полноте, поскольку невозможно оторвать одно от другого. Я с ясностью это увидел в годы работы в лицее, еще до того, как начать курс о Священном Писании. Помню, как-то раз во время урока по религии я говорил о Евангелиях как о источнике, позволяющем узнать Иисуса. Я только-только закончил писать на доске слово «Евангелия», а один юноша уже поднял руку: «Уж не думаете ли вы и правда, что Евангелия помогают нам понять, кто такой Иисус? Они же написаны христианами, как же им верить?» Он добавил, что не настолько наивен, и тогда я ответил: «В наивности тебя точно не обвинишь, именно поэтому сегодня утром, когда твоя мама поставила перед тобой чашку с молоком, ты ей сказал: “Мама, пока ты не докажешь, что в кофе нет яда, я его пить не стану”». Я до сих пор помню реакцию юноши, он опять поднял руку и воскликнул: «Да как вы можете такое говорить? Я живу с моей мамой шестнадцать лет!» – «А, так значит в некоторых ситуациях неразумно с подозрением относиться к реальности?» – «Естественно». – «Так какая разница между реакцией на слово “Евангелия” и чашкой кофе, приготовленного твоей мамой? В чем разница? И то, и другое – вызов. Ты проснулся, не имея представления о том, что ждало тебя на лекции, тебе было невдомек, что я напишу на доске слово “Евангелия”, ты отреагируешь определенным образом, а я приведу в пример твою маму и кофе. Понимаешь? Увидев слово на доске, ты выложил все твои подозрения, но в случае с мамой не мог не признать, что наиболее критический подход не основывается на подозрении. Действительно, сегодня утром ты ни в чем не подозревал твою маму. Так в чем же разница?» Тот юноша сам затронул суть вопроса, и я заметил: «Как ты прекрасно сказал, ты живешь с мамой вот уже шестнадцать лет, и потому неразумно иметь какие-либо подозрения, ведь у тебя целых шестнадцать лет

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

веских причин, миллиона причин, по которым нельзя с подозрением относиться к матери. В чем же разница между мамой и Евангелиями? Во втором случае у тебя нет шестнадцати лет совместной жизни, позволяющих тебе не сомневаться. Так что твои подозрения вполне оправданы: если нет опыта жизни с некой реальностью в настоящем, убеждающей тебя в истинности Евангелий, подозрение неизбежно выйдет на первый план. Без такого опыта ты не сможешь достичь истины того, о чем рассказывают Евангелия».

Я могу продолжать говорить на эту тему до ночи, потому что действительно необходимо признать, что в воспитании непрестанно переплетаются преподавание предмета, позиция преподавателя и отношение ученика к реальности, которое нуждается в непрерывном вызове и воспитании. Иначе преподавать невозможно, и у ребят никогда не выработается правильный подход к реальности, не сводящийся исключительно к их воображению или предрассудкам. Самая захватывающая задача для преподавателя – с помощью простых примеров облегчить для учащегося понимание, осознание. Вместо того, чтобы разводить долгие и бесполезные речи о подозрениях и их аморальности, я привел пример, разрушивший до основания идеологию мальчика. Всего один пример! Таков один из аспектов нашей задачи. Когда в разгар битвы нам удастся найти подходящие примеры, мы тут же видим, как действенны они в отношении учащихся. Вот увлекательная сторона преподавания, и я буду вечно благодарен за то, чему научился в этом приключении, ведь никакие трудности не затмевают приключения, которое человек переживает с самим собой и с ребятами в любой ситуации. У нас есть неизменная возможность учиться друг друга.

ТИНО ДЖАРДИНА

Было бы крайне любопытно узнать, как то, что вы рассказали о Библии, касается преподавателя математики или учителя начальной школы.

ХУЛИАН КАРРОН

Преподавание – это всегда отношение с реальностью, с любым типом реальности, в том числе и с математикой. Я привел пример о Евангелиях, поскольку вы спросили меня о моем опыте. Однако сказанное верно для любого предмета.

ТИНО ДЖАРДИНА

Я поймал вопросительные взгляды некоторых преподавателей математики...

ХУЛИАН КАРРОН

Какое воспитание в отношении математики требуется, чтобы сказанное мною было верно не только для лекции о Евангелиях! Нередко нам сложно ввести учеников в курс математики, потому что мы сами слишком абстрактны. Подумайте, какой это вызов для нас самих – найти такой подход к преподаванию математики, который бы вызвал интерес у ребят.

ТИНО ДЖАРДИНА

Может так случиться, что взрослые люди, вовлеченные в преподавание, переживают опыт противопоставленности, а не сотрудничества, например, когда родители и учителя винят друг друга за ситуацию, в которой оказываются дети. Или, как написал нам один преподаватель, *все сводится к принудительной коллегиальности между различными чуждыми друг другу субъектами*. Однако десятого мая прошлого года папа Франциск

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

напомнил нам, что для воспитания ребенка нужна деревня. Что значит переживать сегодня единство между преподавателями, администрацией, семьями и учащимися, которое приносило бы пользу и поддерживало бы рост ребенка или молодого человека на пути познания?

И второй вопрос: какой вклад в развитие будущих поколений могут внести, на ваш взгляд, ассоциации, подобные нашей и тем двадцати-двадцати пяти организациям, которые участвуют в сегодняшней встрече? Какие у нас перспективы?

ХУЛИАН КАРРОН

Весь мир – одна большая деревня. Я уже двадцать лет не принадлежу миру школы, однако вижу, что и сегодня проблемы все те же. Когда я был директором, один из постоянных разговоров с моими учителями касался того, что они считали себя «исключительно» преподавателями, и поэтому все вопросы, не связанные с преподаванием, по их мнению, касались семей. Так они умывали руки. Я же бросал вызов коллегам и говорил: «Предположим, все так, как утверждаете вы. Например, у ученика проблемы в семье и потому в школе он обречен на определенные проблемы. Если бы в вашей семье был ребенок, переживший отрицательный опыт, вам не хотелось бы, чтобы в школе он нашел кого-то, кто смотрел бы на него по-другому, чтобы в школе он мог проделать другой путь и чтобы его затруднения не легли тяжким грузом только на семью?» Ребята приходят в школу такими, какие они есть; они не выбирают, в какой семье им родиться, какие сложности могут быть между его родителями. И мы не можем ограничиться словами: «Бедняжки! Что нам с ними делать?!» Напротив, такая ситуация бросает нам вызов, побуждает вступить в игру. Думаю, вы все прекрасно понимаете, о чем речь, я же не Америку открываю!

Несмотря на ситуацию, все мы желаем, чтобы школьные годы наши ребята получали помощь, необходимую для того, чтобы встречать лицом к лицу вызовы жизни. Поэтому мне понятен образ деревни, использованный папой: мы действительно должны смотреть на реальность единым взглядом, позволяющим нам сотрудничать, а не только сваливать вину на других (родителям – на учителей, учителям – на родителей, учителям и родителям – на систему и т.д.). Условие для такого сотрудничества – желание всем вместе участвовать в воспитательном приключении: преподавателям, родителям, административным работникам, ребятам. Все мы находимся в одной лодке, и у всех нас должна быть одна и та же цель.

Первым делом необходимо осознать, что лучше – прежде всего для нас самих – участвовать в этом приключении сообща. В противном случае воспитательная задача станет для нас слишком утомительной. Вспоминая все вышесказанное, предположу, что первый элемент сотрудничества – взаимная помощь в вынесении единого суждения о ситуации. Порой для этого требуется терпение, способность принять доводы всех, кто вовлечен в жизнь школы, позволяющая иметь в виду совокупность факторов. В первую очередь, прежде чем действовать, нужно научиться вместе смотреть. Если нам удастся сформировать единое представление, цельное и завершенное представление о реальности, мы сможем лучше отвечать на вопросы, возникающие в ходе воспитательного процесса. Уже тут мы понимаем, насколько необходим диалог между преподавателями, учениками и родителями: каждый призван указать на те элементы, которые способны помочь увидеть проблему во всех ее измерениях. Подумайте, что это значит, к примеру, для родителей, не всегда до конца осознающих ситуацию своих детей. Директор и учителя дают им время

Встреча с Хулианом Карроном
Болонья, 11 октября 2015 г.

и помогают понять, почему школа повела себя определенным образом, таким образом побуждая родителей к сотрудничеству, вовлекая их в воспитание. Порой это может показаться бесполезным: чем больше в процессе участников, тем медленнее он развивается и тем становится запутаннее, поскольку не идет вперед так, как нам хотелось бы. Однако, если, вместо того чтобы вовлекать родителей с самого начала, нам приходится терять время на разъяснение тех или иных решений, мы в итоге ничего не выигрываем. Изначальное вовлечение всех участников процесса – один из признаков настоящего сотрудничества.

Другим его элементом являются попытки (в отношениях с другими речь всегда о попытках), воспитательные попытки учителей, которые, имея в виду все факторы, разделяют жизнь с другими работниками школы. Как важно, например, чтобы молодые учителя, начиная работать, нашли место, где постоянно проверяется и продвигается такая проверка преподавания, где можно задавать вопросы без страха быть осужденными за них, где люди, обладающие более богатым опытом, сориентируют их и дадут советы.

Такой совместный путь не может не быть выгодным для каждого, идущего по нему. И поэтому работа ассоциаций крайне ценна. Я прошу вас не сводить ее исключительно к представительской деятельности, а созидать места, вмещающие подлинную компанию, отвечающие на реальные проблемы, непрестанно осуществляющие проверку наших попыток разделить жизнь и поддержать друг друга. Это позволит нам все больше сотрудничать на увлекательном пути, ведущем к передаче нашим ребятам вкуса к жизни. Спасибо.

ТИНО ДЖАРДИНА

Спасибо, что столь привлекательным образом вы вновь вернули к цели нашей работы преподавателей и всех, кто связан со школой.

В итальянской школе, без сомнения, множество людей ежедневно пытаются переживать собственные обязанности ради блага ребят, однако, как учит нас опыт, если человек остается в одиночестве, все усилия по достижению цели со временем угасают, и он рискует ослабнуть и сдаться. Поэтому давайте прислушаемся к последнему совету Хулиана Каррона: пусть конечной целью наших ассоциаций станет поддержка свободы и ответственности каждого человека в его деле, достигаемая за счет совместной работы и уважения цели.

Наши ассоциации должны стать в первую очередь основным пространством сопоставления, направленного на взаимную поддержку и обретение зрелости в нашей профессии. Совместная работа важна для тех, кто в ней участвует, и в то же время с нее, через небольшие повседневные дела, начинается созидание всеобщего блага.

Школа, молодежь и общество нуждаются во взрослых людях, которые на своей работе являются главными героями, наделенными свободой и ответственностью. Пусть свобода и ответственность всегда будут также и горизонтом политических и институциональных решений. Все более и более необходимо способствовать тому, чтобы люди, тесно связанные со школой, принимали на себя ответственность. Кроме того, следует поддерживать и свободу семей, выбирающих школу для своих детей.

Надеюсь, все, что мы услышали, положит начало диалогу, встрече с каждым, кто переживает воспитательный вызов в рамках собственной задачи и собственного предмета. Так мы сможем помогать друг другу и взаимно обогащать наш опыт.

Видеозапись и текст встречи доступны на сайте www.insegnareoggi.org